

Метод «длинного стола» на этапе исследования «в поле»

И. Е. Штейнберг

Илья Ефимович Штейнберг, кандидат философских наук, доцент Московского государственного психолого-педагогического университета, руководитель «Школы-студии исследователя-качественника». 127051 Москва, ул. Сретенка, 29. E-mail: ilya.shteynberg@gmail.com

Аннотация. В статье приведены фрагменты из готовящейся к печати монографии автора «Метод «длинного стола» в полевых качественных социологических исследованиях». Сам метод возник в ходе многолетнего междисциплинарного исследования российского села, которое проводилось под руководством проф. Теодора Шанина в 1990-1995 годах. Одним из направлений его дальнейшего развития стала «Школа-студия исследователя-качественника», которая существует уже около двадцати лет. Монография, по сути, описывает методологию, методики и опыт по организации рабочих групп исследователей и их подготовки для проведения полевых качественных исследований полного цикла, от замысла до публикации. Включенные в статью фрагменты текста книги посвящены таким актуальным темам проведения полевого социологического исследования методом глубинного интервью, как «Тандемное интервью и «длинный стол»; «Групповой полевой дневник. Зачем его вести?»; «Сколько времени должно продолжаться глубинное интервью?» и «Кризис понимания» и теоретическая рамка исследования». Особенностью их содержания, кроме описания конкретных методических подходов с многочисленными примерами из исследовательской практики, является включение в текст отрывков из записей работы ведущего и участников по методу «длинного стола» в школе-студии с целью дать читателю представление об исследовательской культуре, как основных принципов и ценностей научного поиска истины, атмосферы взаимной интеллектуальной и эмоциональной поддержки участников исследовательских проектов, заложенной в этот метод Теодором Шаниным.

Ключевые слова: качественные методы, метод «длинного стола», школа-студия исследователя качественника, тандемное интервью, тайминг глубинного интервью, групповой полевой дневник, «кризис понимания», стадии психологического состояния исследователя.

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-3-19-41

Итак, работа над замыслом исследования подошла к концу. Члены рабочей группы пришли к консенсусу относительно ключевых понятий изучаемой темы, поработали над навыками нахождения общего языка. Были определены цели и задачи, проведено транскрипирование ТЗ для поиска первичных данных, сформулированы и проверены ключевые исследовательские вопросы, проговорены доповые гипотезы, найдена логическая схема для выборки, об-

думаны вход в поле и примерная структура интервью. Начинается следующий этап работы «длинного стола».

По мере погружения исследователей в процесс сбора первичных данных проявляются психологические состояния, соответствующие выделенным нами фазам цикла полевого исследования: «полевой шок», «кризис понимания», «адаптация и ассимиляция с полем».

Переход к этапу «в поле» сопровождается настроениями, которые за «длинным столом» получили названия «кураж» и «мандраж». Они подробно описаны во второй главе, но следует отметить, что главная роль в их коррекции отведена ведущему. Ему предстоит охладить кураж участников, считающих, что информанты тепло встретят их, будут радостно отвечать на вопросы и охотно сотрудничать. С другой стороны, ведущему нужно будет поддержать тех, кто испытывает мандраж, связанный с сомнениями в своей готовности к встрече с информантами, сложностью или сенситивностью вопросов, проблемами доступа и пр.

Из записи ДС:

Ведущий: На этой неделе у нас запланирован выход в поле, есть договоренность на пять экспертных интервью. Надо распределить, кто куда пойдет, проверить еще раз свою готовность к встрече с экспертами. Есть ли вопросы?

Участник 1: Для меня это первый раз. Я бы хотела пойти вместе с кем-то из более опытных, чтобы посмотреть, как это делать.

У.2: Можно я не пойду к эксперту Н.? Я слышала, что он неохотно дает интервью и что в общении не очень приятный [человек]. Так говорят.

У.3: А меня беспокоит, что я никогда не была в ПНИ, вообще никогда не имела дело с людьми с таким диагнозом. Просто боюсь, что ничего не получится.

У.4: Не надо бояться. Это же интересно, получить такой опыт. Главное, что они не отказались от интервью, а там все сложится. Надо просто взять себя в руки и ничего не бояться.

У.3: Вам легко говорить «взять себя в руки», вы опытный. Как представляю, какой я буду выглядеть в глазах эксперта, так и в руки себя брать противно.

В.: Ваши опасения понятны. Экспертные интервью — это действительно непросто, даже для исследователей с опытом. Но у меня для вас две хорошие новости. Во-первых, вы пойдете по знакомству, то есть эксперт знает, о чем будут вопросы, он согласен и ждет вас. Знакомство для входа в поле тем хороше, что вопросы безопасности информанта адресуются не вам, а знакомому. Потом мы точно знаем, что он сказал эксперту о наших целях, уговорив его на встречу. В конце концов, мы уже столько сделали для преодоления полевой застенчивости, что это не может не дать результатов. А во-вторых, вы пойдете

не одна, а в тандеме с более опытным интервьюером. Вот с У.4 и пойдете? Вы согласны?

Перед началом работы «в поле» важно, чтобы участники не только проговорили свое состояние на старте, поделились сомнениями и опасениями, но и получили необходимую интеллектуальную и эмоциональную поддержку от коллег и ведущего. Здесь можно вернуться к методическим вопросам — например, входу «в поле», прояснению компетенции интервьюера, переформулированию вопросов для информанта.

Тандемное интервью и «длинный стол»

Из записи ДС:

Ведущий: Завтра будем брать глубинные интервью в тандеме. Мы это часто практикуем: те, у кого мало опыта, идут с более опытным интервьюером. Так легче научиться.

Участник 1: А если у меня вообще нет никакого опыта?

В.: Ничего страшного, тандем в этом случае отличный вариант. Это как на тандемном велосипеде: тот, кто сидит позади, просто крутит педали, желательно, синхронно, а ездить на велосипеде может вообще не уметь.

У.2: Значит, если у меня есть опыт, то новичок будет просто сидеть и смотреть, как я провожу интервью? Ничего не делать? Разве это тандем?

В.: Ну почему просто сидеть. Нет, я же сказал, он тоже будет «крутить педали». Вот об этом хочу поговорить.

У.2: А можно сделать так, чтобы я только рулил, а он крутил педали?

В.: Интересная идея: велосипедный тандем с одними педалями, и они у того, кто сидит позади. В этом что-то есть, надо подумать.

Тандемное интервью для «длинного стола» — важная форма приобретения специфических и неспецифических навыков полевой работы. При недостатке опыта интервьюирование в паре значительно облегчает получение и фиксацию первичных данных, и формирование необходимых навыков. Обычно при составлении тандема стараются сделать так, чтобы более опытный интервьюер шел на интервью вместе с новичком¹. В этих случаях продуктивность

1. Случается, что в паре работают два новичка, но продуктивность такого тандема значительно ниже, особенно в отношении анализа ошибок, которые неопытные интервьюеры могут просто не заметить. Есть нюансы и в тандеме двух опытных интервьюеров: не всегда получается соблюдать договоренность, кто ведущий, а кто ведомый.

усвоения навыков в тандеме можно объяснить существующими нейропсихологическими теориями. Среди них наибольшей популярностью пользуется теория «зеркальных нейронов», которые обеспечивают механизмы подражания и имитации в поведении индивида для адаптации к данной среде. Если тандемное интервью построено грамотно, то его преимущества кажутся очевидными: более тщательная подготовка, более грамотное проведение, а также шанс обсудить полученные результаты сразу после окончания разговора, когда еще свежи впечатления.

Рассмотрим возможности, которые предоставляет тандемное интервью, подробнее.

До начала работы:

- Совместно с напарником уточнить и проговорить план интервью, возможные варианты его сценария от представления до ключевых вопросов по теме исследования.
- Определить роли участников тандема: кто будет основным, кто выступит в роли «второго номера». Обсудить, нужна ли смена ролей по различным причинам, связанным с длительностью интервью, сенситивностью вопросов, личностными особенностями интервьюеров (стилем проведения, степенью «полевой застенчивости», наблюдательностью, аналитичностью), которые могут как способствовать, так и создавать трудности при общении с респондентом. Например, некоторым сложно начать разговор с незнакомым собеседником, а кто-то слишком эмоционально реагирует на ответы информанта, слишком увлекается комментариями, своими рассуждениями и пр. Для таких интервьюеров с «особенностями» лучше выбрать в тандеме роль «второго номера», пока эти недостатки не будут преодолены опытом.

В ходе интервью:

- Вовремя поправить напарника («покрыть его недостаток») при формулировках вопросов, уточнении ответов, невнимательности к реакции информанта на вопросы и пр.
- Видеть себя со стороны с помощью второго интервьюера и вовремя корректировать свое поведение в поле.
- Распределить нагрузку, связанную с многозадачностью роли интервьюера — одновременно слушать, наблюдать, записывать, задавать вопросы, не пропустить важное для исследования в ответе собеседника, придерживаться намеченного плана беседы.
- Сделать интервью более похожим на естественную беседу, а не на формальную исследовательскую процедуру «вопрос-ответ»².
- Оказывать друг другу эмоциональную поддержку.

2. По мнению Анны Турчик, «наличие второго интервьюера в ситуации тандемного интервью уменьшает институциональность текущего взаимодействия и приближает его к порядку повседневной коммуникации» <https://www.dissercat.com/content/konversatsionnyi-analiz-rechevo-go-vzaimodeistviya-v-situatsii-issledovatel'skogo-intervyu>.

- Дать возможность для передышки, чтобы снять усталость и напряжение при длительных, перегруженных информативно или эмоционально интервью, при обстоятельствах, в которых есть необходимость в мерах физической или психологической безопасности интервьюера.

После интервью:

- Более точно восстановить запись интервью при технических помехах (некачественная запись, поломка диктофона, отказ информанта от записи разговора).

- Снизить субъективизм в интерпретации ответов информанта.
- Улучшить надежность полученных данных за счет сравнения восприятия ответов информанта и выводов.

- Повысить рефлексивность за счет сравнения рефлексий напарников.

Однако все эти возможности могут остаться нереализованными. Более того, при несоблюдении определенных правил проведения тандемного интервью оно может превратиться в перекрестный допрос, когда респондент не понимает, кому отвечать. Это происходит, если второй интервьюер начинает указывать на противоречия или факты, которые не заметил первый. Или, наоборот, если второй интервьюер все время молчит, иногда что-то записывает, тем самым также создавая неестественную для беседы ситуацию.

Из интервью с сельским жителем:

Респондент: А чего это девушка все время молчит? Ей что, неинтересно, о чем мы говорим?

И.: Нет-нет, ей интересно, молчит, чтобы не мешать — а то пришли вдвоем, завалили вопросами. У нее тоже есть вопросы, она потом задаст. А это вас напрягает как-то?

Р.: Ну не то чтобы напрягает. Но это, как на приеме у врача. Он смотрит, спрашивает, а медсестра сидит, молчит, булавки перебирает.

Бывает противоположная ситуация, когда второй интервьюер очень активен, не дослушав ответа собеседника на вопрос первого, задает свой, причем на другую тему. Это, конечно, больше похоже на обыденный разговор и бывает необходимо для переключения интервьюируемого на другой вопрос гайда, но все же такие повороты темы должны быть обоснованы.

Перечисленные выше возможности тандемного интервью и приведенные примеры позволили сформулировать определенные правила, соблюдение которых должно помочь избежать грубых ошибок при проведении тандемного интервью:

До интервью:

- Проговорить с напарником план предстоящего интервью с учетом конкретного контекста (места, времени, особенностей информанта и специфики темы исследования).

- Распределить роли «первого» и «второго номера» или очередности в смене ролей по ходу беседы.

- Договориться о блоках вопросов, которые представляют особый интерес для каждого из участников тандема, которые они будут задавать по очереди как основные или дополнительные.

- Договориться о «сигналах SOS», в случаях, когда возникла заминка, связанная с нештатной ситуацией в интервью (неадекватная реакция на представление или вопрос; неожиданный ответ, ломающий первоначальный план, когда непонятно, о чем спрашивать дальше; появление третьего лица, которое надо увести, и т.п.). Важно подчеркнуть, что эти сигналы могут идти не только от «первого номера», но и от «второго», когда он видит ошибки партнера (отклонение от темы, увлечение личными воспоминаниями, явное оценивание собеседника, излишнее эмоциональное присоединение, нравоучения, непонимание ответа и пр.). Наконец, сигнал поступает при элементарной физической или эмоциональной усталости, потере концентрации внимания и интереса к собеседнику.

В процессе интервью:

- По возможности придерживаться вышеперечисленных договоренностей.

- Расположиться во время интервью так, чтобы иметь возможность видеть своего партнера — например, рядом с ним или в угловой позиции по отношению к информанту и напарнику³.

- Делать пометки в полевых записях об особенностях поведения напарника, которые нуждаются в коррекции.

- Находясь в роли «первого номера», помнить, что напарник — это важный ресурс для успешного проведения интервью, и его стоит держать в поле своего внимания так же, как и информанта, чтобы не пропустить сигналы как одобрения и поддержки, так и SOS.

- Находясь в роли «ведомого», не нужно сдерживать свое желание вмешаться в разговор репликами, мимикой и жестами, важно только следить, чтобы они были уместны и естественны, как в обыденном разговоре трех собеседников, проявляющих заинтересованное участие в беседе. Позиции «свидетеля» или стороннего «наблюдателя», как неоднократно было замечено, могут вызвать непредсказуемые реакции со стороны интервьюируемого, ухудшить обстановку доверия и безопасности.

После интервью:

- Хорошо бы сразу после интервью обменяться впечатлениями и записать их на диктофон. Так поступают многие опытные полевики. Это, как правило, дает ценный материал для процедуры анализа данных. Полезно спросить друг друга, что нового узнали

3. Бывали случаи, когда напарник садился за спиной интервьюера или в отдалении, «чтобы наблюдать со стороны». Такое положение второго интервьюера не способствует созданию доверительной обстановки во время беседы.

от этого информанта для задач исследования, что показалось неожиданным в ответах, как работали в ходе интервью с ним наши вопросы, был ли он заинтересован в теме, о чем не говорил прямо, а старался дать понять (какие были метасообщения).

- Можно оценить друг друга и тандем в целом на предмет достоинств и недостатков при беседе с информантом.

- Для повышения надежности полученных данных можно также дать оценку достоверности полученной информации с опорой на факты, которые проявились в интервью. Например, уточнить, что прозвучало как факт, важный для ответа на ключевые вопросы исследования.

- Проговорить новые идеи, которые возникли после этого интервью, или факты, которые нужно проверить, опираясь на другие источники.

Нестандартные ситуации

В литературе по качественным методам упоминают тандемные интервью как сравнительно малораспространенный вариант, что вполне объяснимо с точки зрения ресурсов полевого исследования. Но в принципе говорить о тандемных интервью как об эксклюзиве, думаю, было бы неправильно — тандемы в интервью встречаются довольно часто, даже если не считать учебные мероприятия.

Тем не менее есть действительно нестандартные ситуации, о которых хочется поговорить отдельно.

«Тридемное интервью»

Редко, но все же случается, что интервью становится групповым: в нем участвуют три, а иногда и большее количество интервьюеров. Такое может произойти, когда «проводники» неточно поняли просьбу найти информантов и собрали их вместе «на встречу с социологами». Иногда подобная ситуация складывается спонтанно — например, если договоренность об интервью сорвалась и свободный интервьюер присоединился к тандему.

Здесь сложно говорить о каких-либо правилах, отличающихся от правил ведения тандемного интервью, кроме повышенного риска превратить беседу в перекрестный допрос. Но хочется отметить несколько моментов, которые, возможно, помогут тем, кто окажется в подобной ситуации:

- Если информант — публичный человек и привык участвовать в совещаниях и прочих групповых мероприятиях, то «тридемность» интервью незначительно скажется на его содержании.

- Есть ряд чувствительных для информантов тем, которые лучше обсуждать с глазу на глаз, а не в обществе одного или нескольких напарников интервьюера.

- Если «третий номер» занял позицию безмолвного наблюдателя, то он выпадает из поля внимания информанта, который восприни-

мает его как еще одно «пишущее устройство». Но если третий участвует в интервью репликами и вопросами, то он становится участником дискуссии.

• Третий участник может сыграть положительную роль «переключателя» темы интервью. Замечено, что если до того молчавший третий интервьюер вступает в разговор с новым вопросом, не являющимся продолжением беседы, то он воспринимается более позитивно — как «свидетель», у которого накопились интересующие его вопросы.

Интервью в тандеме с заказчиком

Ситуацию, в которой вторым номером в тандеме оказался заказчик исследования, можно назвать экстраординарной и крайне нежелательной, но изредка такое случается. Обычно заказчику интересен не процесс, а результат. (Как-то один из моих заказчиков усомнился, что я смогу получить из интервью с экспертами достоверную информацию, и я предложил ему пойти вместе со мной и проверить на месте. В ответ он поинтересовался, стал бы я, купив собаку, сам за нее лаять?) Это бывает, когда заказчик, например, хочет лично убедиться в компетентности интервьюера или проявляет любопытство по отношению к самому процессу интервьюирования, так как у него есть подозрения, что люди, отвечая на вопросы социологов, либо врут, либо не знают ответов и не имеют представления том, как на самом деле обстоят дела.

Как правило, дело ограничивается одним-двумя интервью, но был случай, когда заказчику стало настолько интересно, что с его участием пришлось провести около десятка интервью с экспертами. Вначале я воспринимал это как серьезную помеху, поскольку договоренность не вмешиваться в мою работу он ни разу не выполнил, вступая в ожесточенные споры с собеседниками, оценивая их бизнес-решения и попутно объясняя им, как надо вести дела. То есть он делал все, что, как я считал, делать в интервью категорически нельзя. Но обстоятельства вынуждали смириться, и когда я убедился, что избавиться от него мне не удастся, неожиданно для себя обнаружил, что от этого есть и определенная польза.

Во-первых, заказчик как эксперт в данной теме задавал специфические вопросы, которые были важны для исследования, но мне бы в голову не пришли. Во-вторых, свойственный ему провокативный стиль разговора эмоционально заводил собеседников, и они начинали приводить примеры или мнения, которые такие эксперты обычно держат при себе. В-третьих, стало более понятно, что нужно заказчику от этих интервью. В-четвертых, возникли новые гипотезы, опирающиеся на часто неожиданную интерпретацию заказчиком ответов собеседника. В-пятых, сложилось представление, как будет оцениваться наш отчет, на что заказчик будет обращать особое внимание.

Поэтому, попав в такую историю, не впадайте в уныние и не воспринимайте заказчика как досадную помеху — стоит рассмотреть

это обстоятельство как возможность совершенствования вопросника для интервью, анализа результатов и структуры отчета.

Для этого достаточно договориться, что вы будете жестко прерывать дискуссию и споры с информантом, когда это необходимо в интересах нашего общего дела. Вторым условием, о котором надо договориться заранее, будет запись на диктофон его впечатлений и выводов сразу после интервью.

Некоторые коллеги предлагают повысить стоимость интервью в зависимости от степени вмешательства заказчика в процесс.

И. Е. Штейнберг
Метод «длинного стола» на этапе исследования «в поле»

Групповой полевой дневник. Зачем его вести?

Самый тупой карандаш лучше, чем самая острая память.

Знакомство с групповым полевым дневником за «длинным столом» начинается с более общего вопроса: «Зачем вообще вести полевой дневник, когда есть диктофон?» Еще не так давно этот вопрос не возникал, так как звукозаписывающая техника была несовершенна, относительно громоздка, требовала пленки, батареек, микрофона и контроля за записью. Сегодня, при обилии разнообразных гаджетов и возможности вести качественные записи офлайн и онлайн, может показаться, что полевой дневник — это ненужная трата времени и сил интервьюера.

Опытного полевого исследователя всегда видно по доведенной до автоматизма привычке делать записи по ходу интервью и в процессе обсуждения этапов исследования в рабочей группе. Инерция традиции ведения полевых дневников классиками социологических исследований, вероятно, пресекает пока самую постановку вопросов о том, нужно ли вести полевой дневник, что там обязательно должно быть и пр. В наше представление о «каноне» полевого исследователя почти всегда включен его личный архив, где видное место занимают «полевые дневники ученого». Например, вдова Б. Малиновского опубликовала его полевые записи исследований населения островов Тихого океана, из которых мы узнаем не только, что делал исследователь в поле, но и что он при этом думал и чувствовал.

Поэтому, когда идет речь о ведении полевого дневника во время интервью, у аудитории социологов возражений обычно не возникает, но и прочная установка делать записи по ходу полевого исследования тоже появляется далеко не у всех. Особенно это заметно, когда начинающие полевые исследователи узнают, что эти записи нужно делать перед проведением интервью, в ходе интервьюирования и после него.

Создается впечатление, что сегодня, когда мы технически лучше оснащены, чем наши коллеги 15–20 лет назад (не говоря уже о времени Малиновского), полевые записи по ходу интервью либо

ведутся редко, либо не становятся частью протокола исследования, и об их существовании знает только сам ученый.

Об этом можно судить по литературе, где авторы иногда указывают, что свои примеры взяли из полевых записей. Читатель может только догадываться, что это за документ: то ли это краткие «заметки на полях», то ли подробное описание событий, чувств и мыслей исследователя и пр. Мы знаем, что полевые дневники могут быть похожи на объемные тетради с рисунками и схемами, а могут по структуре напоминать «девичий альбом», особенно если у исследователя был опыт ведения личного дневника, которому поверялись мысли и чувства. Сегодня участие в социальных сетях также дает образцы личных записей. Но несмотря на то что канона полевого дневника не существует и исследователи могут делать записи по своему усмотрению, упоминания о полевых дневниках встречаются очень редко, и сами дневники нечасто рассматриваются в качестве «данных» исследования⁴.

Таким образом, можно сделать вывод, что многие исследователи считают полевой дневник не столь обязательным инструментом полевого исследования, как, например, транскрипт диктофонной записи или дневник наблюдений, тематический вопросник (гид), протокол встречи группы и т.п.

Из записи ДС:

Ведущий: Хочу спросить, кто из вас ведет полевые дневники?

Участник 1: До интервью и после не веду. В процессе иногда делаю пометки, но не знаю, можно ли это назвать полевым дневником.

У.2: Не вижу необходимости. Надо будет — записи всегда под рукой.

У.3: Если проведешь пять интервью, то уже не до записей, устаете.

У.4: У меня был хороший опыт. Крупный проект, полевых исследователей больше 10. Мы писали руководителю проекта после каждого интервью свои впечатления о том, что получилось, что нового узнали. Это не полевой дневник, конечно, но его самая важная часть, мне кажется. Если бы была более четкая структура для описания впечатлений, примерный формат, может, было бы продуктивней.

В.: Значит, из восьми присутствующих, только четверо ведут записи по ходу интервью, а один делает после.

4. Например, в недавно вышедшей монографии причинами трудностей ведения полевых дневников называют недостаток способностей к самоорганизации, усталость после рабочего дня, необходимость делать записи в этот же или на следующий день, так как новые интервью и наблюдения могут стереть важные детали предыдущего сбора данных. *Ваньке А. В., Полушкина Е. В., Стрельникова А. В.* (2020). Как собрать данные в полевом качественном исследовании. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Итак, зачем вести полевой дневник, например, по ходу интервью, когда есть хороший диктофон и надежная видеокамера? Возможно, сегодня это «лишняя опция» в инструментарии исследователя, и усилия, потраченные на овладение искусством одновременно задавать вопросы, слушать ответы и вести запись интервью вручную, вызывают сомнения в их необходимости.

Обобщая итоги многочисленных дискуссий по этому вопросу как опытных «полевиков», так и тех, кто находится в начале пути за нашими «длинными столами», мы можем разделить все соображения на этот счет на три кластера.

Полевой дневник нужен:

1. *Для более полной и надежной фиксации всех исследовательских процедур (для протокола исследования)*

Исследовательское интервью отличается от обычной беседы наличием протокола. Это запись самой беседы в виде аудио- или видеоматериала и транскрипт интервью (подробная расшифровка записей). Кроме этого, в протокол заносятся факты, которые не содержит запись беседы. Это фиксация общего контекста интервью.

Например, описание внешности респондента, благоприятной или неблагоприятной обстановки интервью (респондент спешил, был расстроен, озабочен, не заинтересован, боялся сказать лишнее). Где, когда происходила запись интервью. Присутствовали ли третьи лица и т.п. Каким образом был получен «доступ к телу», известна ли была позиция респондента по данному вопросу до начала интервью и т.д.

Даже если велась видеозапись интервью, она не может охватить весь его контекст: как правило, камера работает избирательно, а исследователь видит гораздо больше.

В некоторых случаях полевые записи на бумаге необходимы — например, если респондент отказывается от записи на диктофон или камеру. Как-то довелось брать интервью у наркодилера. Меня практически обыскали на предмет наличия звукозаписывающих устройств. Но, к моему удивлению, он не препятствовал ведению записей в блокноте и даже не посмотрел, что я там записываю. Вполне вероятны ситуации отказа техники или низкое качество записи из-за постороннего шума или тихой/невнятной речи респондента.

2. *Для создания доверительной и безопасной обстановки беседы*

• В некоторых культурах и субкультурах не принято при разговоре смотреть в глаза собеседнику, это считается бестактным. Постоянное или частое разглядывание респондента может его смущать (в частности, это касается людей с особенностями внешности), мешать сосредоточиться на мыслях и чувствах.

Эту функцию полевого дневника мы называем «эффектом икебаны». Существует представление, что в японской культуре не принято постоянно поддерживать контакт глазами, поэтому собеседники, обсуждая значимые для себя темы, смотрят не друг на друга, а на икебану. Схожая ситуация возникает, когда два незнакомых

попутчика в поезде, сидя друг напротив друга и беседуя на разные темы, чаще смотрят в окно, чем на своего собеседника. В данном случае «икебаной» служит полевой дневник. Интервьюер записывает, контакт глазами может быть эпизодическим, собеседник, если это его волнует, не беспокоится по поводу того, что его рассматривают.

Полевой дневник не раз выручал меня, когда собеседнику не нравилось, как я себя веду во время беседы. Например, довелось брать интервью у участников боевых действий в первой чеченской компании, я чувствовал напряжение и раздражение с их стороны, причины которых не понимал. Пока один из них резко не высказался: «Чего ты меня все время разглядываешь, я тебе не обезьяна в цирке!» По истечении нескольких недель я поймал себя на том, что веду себя с ними, как врач на приеме, который заполняет историю болезни и на пациента смотрит только по необходимости. Конфликтов больше не случалось.

- Ведение записей показывает внимание интервьюера к содержанию беседы, делает речь информанта более внятной и замедленной — он говорит так, чтобы за ним успевали записывать. Кроме того, для многих респондентов это подтверждение компетентности исследователя (традиционные атрибуты полевой работы — записи, протоколы).

- Исследователь имеет возможность при ведении записей прояснить свой вопрос или ответ респондента рисунком, схемой или другими способами визуализации.

- С помощью полевых записей можно управлять темпом беседы — например, замедлить его, если возникнет такая необходимость. Отложив записи, можно показать переход к другой теме, подчеркнуть неформальный характер беседы (не для протокола) или дать понять, что «ждал чего-то другого», «ответ очень удивил, даже записывать перестал» и т.п.

3. *Для самого исследователя как многофункциональный инструмент для развития рефлексии и анализа первичных данных*

- С помощью полевых записей исследователь может эффективно развивать методическую рефлексию. В выдержках из полевых дневников некоторых авторов встречаются размышления о том, почему не работает та или иная методика, почему «не пришел респондент» и другие формы «разбора полетов».

Например, после анализа транскрипта своего интервью с клиентами банка один из участников «длинного стола», который занимается продажами финансовых услуг в банке, отметил в своем дневнике, что вместо выяснения потребностей клиента и его способа оценки доверия и надежности банков, через короткое время перешел к «продажам» услуг своего банка, разъясняя их преимущества, пытаясь вызвать интерес к ним, хотя в цели и задачи исследования это не входило. Также он сделал пометку, что был предупрежден о возможности «скатывания» в привычное русло бытовой беседы

или профессионального общения, будь то продажи, консультирование, обучение, дознание и пр., но все равно не смог удержаться. Следующая запись была о том, что в следующем интервью проявление приемов беседы «продажника» удалось взять под контроль. Таким образом можно отследить формирование нового навыка.

- Полевой дневник способен помочь естественным образом переключить тему разговора на уточнение ответа на прошлый вопрос. Например, всегда можно сказать: «Подождите, я в начале разговора записал, что вы говорили о..., а сейчас я услышал... Хочу уточнить...»

- В полевой дневник можно записать вопрос, который важно не забыть задать.

- Полевой дневник служит инструментом анализа первичных данных. Некоторые исследователи по своим полевым записям могут провести первичную кодировку и классификацию данных, выделить наиболее важные части интервью, интерпретации ответов и пр. Для этого в дневнике делают короткие отметки или упоминают момент аудио- или видеозаписи, чтобы потом было легче ее найти в транскрипте или при прослушивании (например, «важный факт миграции», 43-я мин). Фиксация идей или гипотез по ходу интервью или сразу после него может очень пригодиться на этапе «после поля».

- Важная функция полевого дневника — профилактика «полевого шока», «исследовательского кризиса» и «профессионального выгорания». Записи о своих переживаниях, состояниях усталости, разочарования, депрессии помогают их проработать, снизить остроту эмоций, лучше осознать причины возникновения этих мыслей и чувств. Например, когда мне пришлось в течение восьми месяцев собирать устные истории свидетелей раскулачивания в селах Поволжья, в полевом дневнике появилась запись о том, как возникли усталость и эмоциональное отупение от страшных рассказов очевидцев голодных смертей, казней, разорения крестьянских дворов, и как эти рассказы не отпускают, застревают в памяти, появляются во сне. Фраза из дневника, что «я, как каторжник ядро, волочу за собой чужую память», отражала состояние автора дневника, близкое к эмоциональному выгоранию.

Структура группового полевого дневника

Всегда записывайте все данные. Такие записи — свидетельство, что вы работаете⁵.

Групповой полевой дневник представляет собой формализованный протокол встречи участников «длинного стола» на этапе в поле. Он

5. Правило Финейгла (2002) // 4048 законов жизни. В 2 т. / Сост. Кондрашов А. П. М.: Рипол Классик. С.199.

предназначен для выполнения двух основных задач на этом этапе исследования:

- Обеспечение посильной сопоставимости данных, получаемых группой исследователей, работающих с разными информантами.
- Проведение методической и аналитической триангуляции хода полевого исследования, так как в качественном исследовании сбор информации и ее анализ начинаются непосредственно «в поле».

Эти задачи решаются с помощью включения в полевые дневники участников рабочей группы обязательных вопросов, на которые нужно будет ответить во время групповой встречи. Вопросы участниками ДС обговариваются заранее и содержат основные данные, важные для оценки достоверности и надежности результатов интервью или наблюдений.

Надо отметить, что формат группового полевого дневника прочно связан с целями и задачами конкретного исследования и спецификой используемых методов сбора данных. В связи с этим он может в значительной степени меняться и включать в себя разный набор элементов — то есть он не является неизменным и стандартизированным. Однако за время работы методом «длинного стола» сложился перечень пунктов группового дневника, которые обязательно входят почти во все протоколы встреч рабочей группы на этапе «в поле».

Базовые пункты группового полевого дневника:

- Дата, время и вид интервью (глубинное, свободное, экспертное, в тандеме).
- Описание информанта; в какое «окно» выборки его можно поместить и почему.
- Контекст интервью, который мог повлиять на ответы информанта (как был получен контакт с респондентом, где проходила беседа, был ли информант настроен на интервью, присутствие посторонних и пр.). Иногда дается оценка контекста интервью в баллах. Например, от 0 до 5, где 0 — неблагоприятный контекст (помехи, присутствие третьих лиц, информант не расположен отвечать, топорился, настроен агрессивно), а «5» — максимально благоприятный (ничего не мешает беседе, информант готов к встрече, настроен благожелательно).

Фиксация в полевых записях контекста интервью помогает при анализе ответов, особенно в случае онлайн-интервью, где не видно, кто еще находится в помещении вместе с информантом, но видно, что ответы даются с оглядкой на невидимых наблюдателей, т.е. ответы респондента нельзя полностью рассматривать как его личную позицию по данным вопросам.

- Что считать ответом на КИВ в данном интервью? Краткое описание позиции информанта по КИВу.
- Обоснование позиции информанта в виде первичных кодов с приведением конкретных выдержек из интервью.
- Неожиданные ответы, новые и старые гипотезы, метафоры, интересные факты.

• Методические вопросы, связанные с инструментарием исследования, методические находки, предложение по коррекции ключевых вопросов, вопросника, выборки и т.п.

• Собственные коммуникативные проблемы полевого исследователя (сложности установления контакта с информантом, беспристрастности, «забавности», поддержания интереса и др.)⁶.

Фрагмент из полевого дневника исследователя перед встречей рабочей группы, изучающей уроки Олимпиады в Сочи для подготовки ЧМ по футболу:

• Информант Р. Около 60 лет, офицер запаса, военный пенсионер, приехал в начале 90-х из К., обучился на юриста, президент фонда поддержки малого предпринимательства.

Семейное положение — женат, дочь. Образование высшее.

2. Общий контекст интервью.

Интервью состоялось сразу после фокус-группы по теме интервью, где Р. был участником. Возможно влияние мнений участников ФГ на респондента (Проверить позиции участников ФГ по отчету).

• Проводник — Ольга.

• Оценка для условий проведения интервью — 5 (кабинет Р. в бизнес-центре, 17 ч.).

• Установка на контакт. Заинтересованность Р. — 5 (к интервью готовился, не спешил, старался создать впечатление эксперта, равнодушного к проблемам малого бизнеса и города в целом, активиста, человека принципиального, конкретного, с претензией на глубокий анализ ситуации).

Безопасность для Р. — 4 (не уходил от неудобных вопросов, открыто критиковал местную власть. Просьбы «не для записи» были пару раз).

3. Место в модели нашей выборки (экспертность — ипичность) — теоретический эксперт в теме «малый бизнес» (в практику малого бизнеса включен как юрист по защите интересов (бизнесом занимается его жена)), хорошо владеет дискурсом по теме, экспертиза по ситуации в малом бизнесе в Адлере и аналитические компетенции представлена на хорошем среднем уровне (недостаток для экспертизы — слишком часто опирается на личный опыт.) Высокий авторитет в бизнес-сообществе и у городских властей.

6. Этот пункт необходим, если сложности возникают. Например, интервьюер обратила внимание, что у нее повторяются полевые записи о затрудненности установления контакта с определенным типом информантов. Это были мужчины, похожие на ее отца, с которым у нее сложились конфликтные отношения. Фиксация помогла ей осознать проблему и улучшить взаимодействие с подобным типом респондентов.

4. *Позиция Р. по КИВу:*

- *Позитивное отношение к Олимпиаде в Сочи как к морально-му фактору повышения престижа страны, города и т.п. Сильное разочарование вследствие обманутых надежд малого бизнеса, чьи интересы он представляет.*

- *К ответу на КИВ: Импульсом для развития малого бизнеса в Адлере Олимпиада не стала. «О малом бизнесе вспомнили, когда закончился “золотой дождь” из бюджета».*

5. *Обоснование позиции:*

- *Код «Эйфория от причастности к событию». Олимпиада — это сильнейший импульс для развития гордости, патриотизма, ожидание праздника и новых перспектив для бизнеса.*

- *Код «Бизнес рубит местное самоуправление». Примеры из практики местной власти по «звездности» гостевых домов, препятствия мелкой розничной торговле, абсурдные решения по разрешению торговли мелкой розницей только в крупных торговых центрах.*

- *Код «Собственность без собственника». Важный пример!*

- *Код «Абсурд в смене статуса санаториев».*

- *Код «Импульс для развития неформальной экономики». Заккрытие ИП жилого фонда в ответ на кампанию по звездности.*

6. *Неожиданные ответы, парадоксы, метафоры:*

- *Сезон в малом бизнесе длится всего 40 дней.*

- *Формула подготовки к Олимпиаде; «2Д — 2П» («давай-давай» — «потом посмотрим»).*

- *«Малый бизнес идет, как по лабиринту».*

- *«Океан существует не только для кита, но и для маленького окуня или ракушки». К вопросу о месте малого бизнеса в мегасобытии.*

7. *Новые идеи*

Советы калининградцам накануне чемпионата мира по футболу:

- *Создать координационный совет при главе города, пропорционально включающий в себя представителей от коммерческих структур.*

- *На период подготовки и проведения события объединить предпринимателей по сферам деятельности в ассоциации, коалиции.*

- *Позаботиться о правильных руководителях объединений (должен быть не аффилирован, чтобы решал не личные проблемы предпринимателей, а вопросы всего их сообщества).*

- *Объединение содержать за счет участников.*

8. *Методическая рефлексия*

- *Вопрос о наиболее прибыльных видах бизнеса в городе: «Каким видом деятельности вы бы занялись, если бы не были мэром (нач. департамента торговли и пр.)?»*

9. Новые контакты

Успешный застройщик (коттеджи под гостевые дома) в период подготовки Олимпиады, продолжающий успешно развивать бизнес в настоящее время.

И. Е. Штейнберг
Метод «длинного стола» на этапе исследования
«в поле»

Сколько времени должно продолжаться глубинное интервью?

*В поле есть две беды: никак не разговорить собеседника
и никак не заткнешь.
Из полевого фольклора*

Постоянная тема, возникающая за «длинным столом», — нормативы времени в глубинном интервью. Сравнивая длительность интервью друг друга, участники «длинного стола» обнаруживают, что, несмотря на то что гайд у всех был один, длительность интервью была разной. Тут выясняется, что у каждого существуют свои нормативы длительности глубинного интервью. Для кого-то из них интервью меньше часа не может называться глубинным, кто-то называет критерием продуктивного глубинного интервью два, четыре часа и далее в бесконечность. Обязательно кто-нибудь вспомнит, что бывают серийные интервью с одним и тем же информантом, когда каждое интервью продолжается меньше часа, а все вместе в сумме больше десяти. Причины, как правило, ищут в своих качествах интервьюера, в вопроснике или информанте, в зависимости от уверенности в себе и опыте интервьюирования.

Казалось бы, аргументы, что все определяют цели и задачи интервью, должны примирить с тем, что беседа может длиться и полчаса, и несколько дней. По результатам легко увидеть — от того, что исследователь проработал меньше часа, интервью не перестало быть качественным и глубинным или, наоборот, двухчасовое интервью может быть похоже на анкетный опрос, где исследователь озабочен тем, чтобы задать все вопросы и получить на них ответы с посылным «углублением» в их смысл.

В качестве наглядного примера из практики проведения глубинных интервью для дискуссии участников «длинного стола» о неоднозначности норматива времени его проведения, хорошо принимается следующий.

Из записи ДС:

В исследовании, посвященном практикам группового употребления запрещенных веществ (героина, «ханки») как ключевому фактору темпов роста распространения ВИЧ-инфекции среди потребителей инъекционных наркотиков, информант за 17 минут дал ключевую информацию на темы, почему «не закрывают барыг, хотя население регулярно сигнализирует», почему

«большинство пользуется «грязными» шприцами, хотя все знают об опасности для здоровья, шприц стоит три рубля и проблемы купить нет», кому выгодно, чтобы «вместо наркологии у нас была «похметология». При этом были приведены поясняющие примеры, после которых уточнения были излишни. Более того, информант выразил свою личную позицию по этим вопросам.

Это было похоже на действие известного «закона о трех минутах» — его суть в том, что если ты не можешь изложить суть дела за три минуты, то вряд ли сможешь это сделать и за час. Можно сказать, что здесь повезло с информантом. Определенно, да. Но это «везение» было организовано серьезной подготовкой к полю, компетентностью интервьюера в теме, наличием вопросов «в точку», которые цепляли респондента эмоционально и интеллектуально, давали ему возможность проявить свою экспертность, искусством собеседника «подвести к вопросу», созданием «пустого пространства» как безопасной и занимательной обстановки для беседы, адекватным «контактным подарком» (не обязывающей, но полезной вещицей) и качеством «проводника», который обеспечил «горячий контакт» с респондентом. За счет этого время на введение в интервью, переход к основным вопросам, уточнения и резюмирование было сокращено до минимума. Остались только ключевые вопросы, на которые и были получены ответы. Дополнительные вопросы вида почему и зачем также были прояснены. Можно ли такое интервью считать не качественным и не глубинным, только по временной характеристике?

Эта дискуссия может продолжаться довольно долго, хотя ее участники осознают, что из-за большого числа переменных «время потения» — не лучший критерий для оценки «глубинности» интервью. Например, длительность интервью зависит от владения методом и опыта интервьюера, от сложности или чувствительности темы, от заинтересованности информанта и пр. Нельзя забывать и «физику»: для некоторых информантов разговор более часа физически и психологически проблематичен. Доводилось ходить в течение трех недель с перерывами к информанту, которому по его физическому состоянию было трудно разговаривать больше получаса. Были и двухчасовые интервью, где собеседник умудрялся говорить много и убедительно, приводил примеры и т.п., а при расшифровке оно оказалось «пустым».

Важно учитывать, что глубинное интервью имеет корни в клинических интервью психотерапевтов, а у них сеанс консультации ограничен в среднем 1–1,5 часами. У нас, конечно, не консультация, но специальные исследования определили норматив консультации в 55 минут, потому что дальше работа с клиентом становится непродуктивной («мозговая жвачка», усталость, «хождение по кругу»).

Что же заставляет постоянно возвращаться к вопросу о норма-
 тивах времени в глубинных интервью? По результатам этих дис-
 куссий у меня сложилась впечатление, что здесь можно выделить
 две основные причины:

1) Институциональная

Интервьюер работает по внешнему заказу, где уже задан вре-
 менной формат для интервью — например, не менее часа или двух.
 Заказчик ориентируется на количество вопросов, которое нужно
 задать, и время, потраченное на ответ, на основании пилотажа во-
 просника или по своему предыдущему опыту, или по вычитанным
 из «специальной литературы» нормам. Соответственно, если ин-
 тервью длилось час, а не два, то, вероятно, не все вопросы были
 заданы интервьюером, а ответы не уточнены. А уж если оно заня-
 ло полчаса, то вина интервьюера очевидна и нет оснований при-
 нять и оплатить эту «халтуру». Такую ситуацию можно наблюдать
 в маркетинговых или политтехнологических исследованиях, где
 важно, чтобы ответы на все вопросы были получены, а нежелание
 отвечать или лаконичность ответа тоже может быть ценной инфор-
 мацией для задач исследования.

2) Дилемма цели и задачи

Если цель — получить ответ на ключевой исследовательский во-
 прос, а одна из задач исследования — определить, какие вопросы
 для этого задавать, то длительность интервью может гибко менять-
 ся в зависимости от экспертности информанта и стадии исследова-
 ния. Например, в исследовании электорального поведения социолог
 провел уже достаточно интервью, чтобы ответы начали повторять-
 ся (достиг так называемой «насыщенности»), и в очередном интер-
 вью выясняется, что ему попался ветеран избирательной комиссии,
 который изнутри знает «кухню» предвыборной кампании и готов
 поделиться ею, но времени на интервью отведено не более часа
 по договоренности с информантом.

Возникает проблема: стоит ли углубляться в эту практику или
 проигнорировать ценность такой экспертизы и пройти по вопро-
 сам отношения к проблемам городского транспорта, ЖКХ, инфля-
 ции, образования и здравоохранения. Если интервью проводит сам
 исследователь, он решит на месте, что важнее. А что делать наня-
 тому интервьюеру? Вариантов немного. Ничего не делать, посчи-
 тав, что информант сам ответит на некоторые вопросы более ком-
 петентно, чем другие информанты. Прервать интервью и связаться
 с рекрутером по этому вопросу. Пройти все интервью до конца
 и договориться о повторной встрече. Обычно, если для проведе-
 ния интервью приглашаются интервьюеры со стороны, мы на ин-
 структаже проговариваем с ними эту ситуацию и обсуждаем вари-
 анты действий.

В таких случаях нужно указывать формат исследования, выбор-
 ку, уровень подготовки интервьюеров, причины строгого соблюде-
 ния объема всех вопросов и получения на них ответов. Бывают гай-

ды, где обозначены только темы, бывает, что интервьюеры — сами исследователи, которые придумали вопросы и могут гибко менять гайд по обстановке.

Длительность беседы зависит не только от задач, но и от представлений об исследовательской этике интервьюера. Даже если в задачи входит пробиться сквозь социально одобряемые ответы и расхожие штампы в мнениях и оценках, все же надо понимать, что мы не дознаватели, чтобы пытаться человека два часа, разными способами вынуждая его давать ответы.

Для повторных встреч с информантами также нужны веские основания. Например, интервью было прервано, собеседник спешил, плохо себя чувствовал, или для завершения интервью надо собрать нужную информацию, или есть необходимость в комментариях информанта по промежуточным результатам «поля». Отдельная история — повторные встречи онлайн, где нет необходимости встречаться очно и возможность выбора времени для интервью гораздо больше.

Последний аргумент в пользу осторожного обращения с нормативами времени в глубинных интервью — ресурсы для обработки и анализа данных. Даже для качественного контент-анализа задача обработать 100 часов интервью требует значительных временных затрат, как на его количественной, так и качественной стадии. Нужно подготовить стенограммы интервью к машинной обработке совокупного текста, т.е. отформатировать и исправить орфографические ошибки и неправильные прочтения записи слов информантов, выделить наиболее часто употребленные содержательно значимые для раскрытия проблематики исследования слова, создать структуру наиболее частотных слов и исследовать контексты их употребления.

«Кризис понимания» и теоретическая рамка исследования

После переживания «полевого шока», когда предположения исследователя не оправдались, но все же удалось принять эту реальность и приступить к ее изучению, по мере накопления материала и после попыток его осмыслить с неизбежностью наступает кризис понимания. Имеется в виду то самое состояние исследователя, когда он понимает, что фактов набрано много, но они не дают ответов на ключевые вопросы исследования, не объясняют наблюдаемое поведение людей и происходящих социальных процессов. Возникает острое недовольство собой, сомнение в правильности выбора темы, неверие в возможность решить поставленные в программе исследования задачи. Иногда этот кризис приводит к тому, что исследователь бросает тему как неперспективную или выполняет ее формально, согласно взятым на себя обязательствам перед заказчиком, если он сам не является инициатором проекта.

Следует сразу отметить, что оба эти состояния кроме негативных сторон имеют исключительно важное значение для формирования по-

левого исследователя. Вообще, переживание кризиса понимания дает исследователю сигнал, что он действительно докопался до сути изучаемой проблемы, до той точки в исследовании, где его знания, опыт и интуиция уже не могут помочь, надо искать другие решения задачи. Практически все исследователи, которые знакомили меня со своими удачными проектами, говорили о моменте, когда они зашли в тупик, не понимали, куда двигаться дальше, хотели бросить начатое.

Например, Теодор Шанин рассказывал нам, что, когда делал свою докторскую в Бирмингемском университете по теме, связанной с социально-экономической жизнью крестьянского двора в России, вскоре зашел в тупик и хотел оставить эту работу. Помог ему преодолеть этот кризис его научный руководитель, который предложил ему перевести, кажется, с польского, работу по экономике крестьянского хозяйства «немецкого экономиста Александра Чаянова». При переводе Теодор выяснил, что эта работа была опубликована первоначально на немецком, но принадлежит русскому ученому-аграрнику. В ней он нашел ряд ответов на свои вопросы, смог успешно завершить диссертацию и опубликовал известную в научном мире книгу «Неудобный класс».

Таким образом, на первый взгляд выходу из творческого кризиса помогла случайность. Но я склонен думать, что пребывание в длительном творческом кризисе дает возможность наладить такой формат исследования, где процесс интерпретация собранных данных представляет собой последовательный перебор различных концептов, пока «на локаторе» не появится тот, который обладает приемлемой валидностью к собранным фактам и достаточным потенциалом его объяснения.

Могу привести собственный пример из наших крестьяноведческих экспедиций под руководством Теодора Шанина. 1992 год. Беседую на кухне с хозяйкой дома (64 года, доярка ТОО «Тепловское»), в котором проживал (по условиям той экспедиции мы должны проживать в каждом селе по 8 месяцев). Сила экспедиции еще и в том, что ты можешь не задавать респондентам свои вопросы по неформальной экономике, которой мы интересовались, а непосредственно наблюдать за ее осуществлением, а потом уточнять смысл увиденного, сопоставляя все доступные факты.

Хозяйка повествует за чаем о том, что колхоз «упал на колени» из-за воровства. Ее праведный гнев направлен на безнравственных «моральных уродов», которые постоянно зарятся на колхозное добро и тащат все, что плохо лежит. А вот она в жизни чужого не взяла, не так воспитана, боится Б-га и т.п. Думаю, каждый читатель прекрасно знаком с этой риторикой. При этом говорит искренне, убежденно, приводит примеры.

Соответственно, я как исследователь, делаю вывод о ее «ненормативной» честности и высоких моральных свойствах личности. Однако, поскольку каждый день имею возможность наблюдать «неформальные практики», вижу, что она ежедневно возвращается

с фермы с банкой молока или мешочком дробленки для своего ЛПХ (корова, бычки, свиньи, птица). Пару раз видел, как у дома оставался трактор с тележкой, откуда сгружались мешки с кормами (это помимо того, что хозяйство по осени уже выдало работникам 2 т зерна за земельный пай и корма на «заработанный рубль»), и узнал в трактористе механизатора этого хозяйства.

Сопоставляя факты, я испытываю глубокое разочарование, теряю «веру в человечество» и считаю, что меня держат за «городского лоха». Гипотеза, что такая практика не воспринимается хозяйкой как воровство, безусловно зреет, но не находит опоры в фактах, если оценить масштабы «растаскилки» и «циничные улыбки» своих респондентов, которые комментируя эти эпизоды повседневной жизни села, безусловно, отдают себе отчет в содеянном, но не раскаиваются, потому что «уж так сложилось», «жить-то надо» и пр.

Однако помощь пришла со стороны. Известный историк Виктор Петрович Данилов дал мне ксерокс статьи, датированной концом XIX века, где описывалось общинное (имеется в виду русская передельная крестьянская община) понятие «право труда», которое предполагает, что если в производство продукта вложен труд работника, то работник имеет на него право, если нет иной компенсации трудовых затрат. Примером там были споры на меже, когда по ошибке или умыслу запахивалась часть земли соседа. Никогда община не отнимала урожай в пользу потерпевшего. Только штраф или отработка.

Отсюда идет знаменитое «кто на чем сидит, то он то и имеет». Но это «право труда» как любой устный закон обычного права обретал своеобразную легитимность, когда нарушалось представление сообщества о справедливости. Несправедливо оставлять ЛПХ крестьянина без кормов или вынуждать платить за них втридорога. «Право труда» быстро восстановит справедливость. Но если только будет замечено, что «продукт труда» пошел не на дело или его норма (сколько положено брать «по совести») нарушена, общество включает санкции, нарушителя «сдают». Кстати, я слышал, что того механизатора, что привозил корма хозяйке, водили в правление «на правож», так как он продал зерно, а деньги пропил, не донес до дома, «ушел в запой».

Теоретическая рамка «право труда» помогла мне понять феномен «воровства» в хозяйстве, построить модель поведения и даже сделать по просьбе председателя ТОО прогноз на тему, какая часть урожая растворится в ЛПХ, то есть сколько возьмут по «праву труда». Прогноз подтвердился в отношении зерна, но не сбывлся в отношении другой продукции (рыбное хозяйство).

Появилась бы эта аналитическая рамка, если бы я пришел в село делать опрос, провести серию интервью и т.п.? Вряд ли. Могла бы она появиться до выхода в поле? Возможно, если бы я предварительно поговорил с экспертами или поработал с литературой более тщательно, но тоже сомнительно. Но она появилась тогда, когда

эксперт услышал мой кейс и отреагировал подобным образом. Вообще, усилия объяснить не предполагаемый, а реальный, собранный лично полевой материал словно превращает исследователя в воронку водоворота, где на поверхности плавают различный информационный мусор, а внутрь воронки затягивается только, то, что может пригодиться для аналитики первичных данных.

Это похоже на вопрос, который задавали себе средневековые схоласты: «Почему на ловца зверь бежит?» Их ответ заключался в том, что ловец знает, где бегают зверь, и терпеливо ждет его появления.

The 'long table' method at the field stage of the research

Ilya E. Shteynberg, PhD (Philosophy), Associate Professor, Moscow State Psychological-Pedagogical University; Head of the Qualitative Researcher School, 127051 Moscow, Sretenka St., 29. E-mail: ilya.shteynberg@gmail.com

Abstract. The article presents excerpts from the author's monograph in print *The 'Long Table' Method in the Field Qualitative Sociological Research*. The method was developed in 1990–1995, during the long-term interdisciplinary research of the Russian countryside under the guidance of Professor Teodor Shanin. One of the directions of its further development was the Qualitative Researcher School which was created about twenty years ago. The monograph describes the methodology, techniques and cases of organizing working groups of researchers and of preparing them for conducting the field qualitative research of the full cycle — from concept to publication. The excerpts of the book presented in the article focus on such basic issues of the field sociological research based on the in-depth interview as tandem interview and long table method, functions of the group field diary, timing of the in-depth interview, crisis of understanding and theoretical framework of research. In addition to the specific methodological approaches and numerous examples from the research practice, the article presents parts of transcripts from the moderator and participants work with the 'long table' method in the Qualitative Researcher School in order to give the reader an idea of the research culture as a number of basic principles and values of the scientific search for truth, and of the atmosphere of mutual intellectual and emotional support within the research project as developed by Teodor Shanin.

Key words: qualitative methods, 'long table' method, school of the qualitative researcher, tandem interview, in-depth interview timing, group field diary, 'crisis of understanding', stages of the psychological state of researcher